

УДК 82

**КАТЕГОРИЯ «СМЕРТЬ АВТОРА» В ТВОРЧЕСТВЕ
ВЛАДИМИРА СТРОЧКОВА**

© 2015 г.

О.О. Петелина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

graol@bk.ru

Поступила в редакцию 20.03.2015

Рассматривается бытование категории смерти автора в поэтическом творчестве современного поэта Владимира Строчкова на материале четырех книг его стихов: «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов», «Наречия и обстоятельства. 1993–2004», «Буколики плюс», «Пушкин пашет», а также в послесловии В. Строчкова к первой книге его стихов «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов» и написанной В. Строчковым «Небиографии автора». Задачей исследования является определение соотношения двух позиций: поэтической, непрофессиональной (В. Строчкова) и филологической, философской, профессиональной (Р. Барта) в контексте проблематики осмысления концепта «смерть автора».

Ключевые слова: поэтический текст, В. Строчков, смерть автора, понятие, концепт, категория, эссе, Р. Барт.

Изучая поэтическое творчество В. Строчкова, нельзя не отметить особые отношения современного поэта с философской категорией «смерть автора», получившей большую популярность после выхода в 1967 году одноименного эссе Ролана Барта. В одном из интервью В. Строчков отмечает: «Помните, был в истории Кронштадтский мятеж, под лозунгом «За советы без коммунистов»? А я – за постмодерн без смерти автора, провозглашенной лингвистом Роланом Бартом и взятой многими на вооружение» [1].

Осмысление концепта «смерть автора» в собственном поэтическом творчестве В. Строчкова прослеживается на тематическом уровне, как минимум, в семи текстах, а именно: в стихотворениях «Круг интересов у меня...» (1998), «Стихотворение Всеволоду Николаевичу Некрасову (подражание Всеволоду Николаевичу Некрасову с посвящением Всеволоду Николаевичу Некрасову)» (2002), «Ворчливая ностальгиана (тристефлексии, почти дневник)» (2001), «Предела нет (поэма без героина)» (1999), содержащихся в книге стихов «Наречия и обстоятельства. 1993–2004» (2006); стихотворениях «Скрипит на жердочке творец...» (2005), «Постмодерниана (стансы-шмансы)» (2008), содержащихся в книге стихов «Пушкин пашет» (2010); стихотворении «Выдохи воздуха влетают, как из парной...» (2010), содержащемся в книге стихов «Буколики плюс» (2010).

В самом раннем из перечисленных выше стихотворений лирический субъект очерчивает круг своих интересов, выделяя в нем, условно говоря, пищу для ума и для духа: «Меня инте-

ресует все! / Салями! Сервелат! / И мортаделла! И Басё, / и Курицын, и Гройс, / и Мартин Хайдеггер, и Барт / как философия, / И. Кабаков как весь соц-арт, / и Пьер Шарден как ум» [2, с. 184], «смерть автора и мир как текст, / И. Бродский как стихи / и больше чем 1 эссе, / и Д.А. Пригов как Поэт / в России больше чем поэт...» [2, с. 185]. Интерес к проблеме смерти автора здесь заявлен на декларативном уровне.

В стихотворении 1999 года «Предела нет (поэма без героина)» в процессе построения апории «типа зеноновой» [2, с. 470] возникает образ Автора Текста, являющегося создателем описываемой апории. Этот образ приобретает черты комичности в результате противопоставления приписываемых ему вездесущности и всезнания пребыванию в состоянии сумасшествия: «Так пунктуально конник в бекеше и пешка в посконном, / перемещаясь по клеткам пространства и тратя время, / движутся к пункту Б разным путем, поскольку / путь их один, но пути различны. Но в то же время / исповедимы пути их Автору Текста. / Он вездесущ и всеведущ – на то он и Автор» [2, с. 471]; «К сожалению, Автору Текста нету дела / до изложенных фактов. Бесконечно впадая в детство, / он давно куку, и все ему безразлично» [2, с. 472].

В стихотворении 2001 года «Ворчливая ностальгиана (тристефлексии, почти дневник)» категория смерти автора трактуется как неотвратимый печальный жребий, выпавший на долю поэта в постмодернистскую эпоху: «чугунная десница постмодерна, / печален жребий мой: ярлык, жетон, / лейбл, этикетка, пуштула,

каверна, / Холява, сэр! Холява да центон» [2, с. 440]. Смерть автора в данном случае определяется внешним положением дел, соотносится с ситуацией бедствия, которое терпят культура и поэзия, и проявляется в резком снижении качества поэтической продукции: «Не слезть со стульчака клавиатуры. / Мучительный понос чужих словес, / отходы обожравшейся культуры, / утильсырье, идущее на вес, / поэзия, идущая на убыль, / в распыл, в разнос, на вынос, на ущерб. / На полку впору класть стихи ли, зубы ли, / но не позорить цеха славный герб» [2, с. 440, 441]. Контраст между высоким и низким, качественным и ценным и не имеющим ценности возникает в результате аллюзии на пушкинский «Пир во время чумы»: «У бездны мрачной на краю для вида / лишь постоять? Или подать пример? / Смерть Автора страшнее суицида, / халтура смертоноснее холер» [2, с. 441]. Ранее в стихотворении образы холеры, дизентерии, чумы возникали в связи с упомянутой тотальной экспансией постмодерна в человеческий мир. Высказывание лозунгового типа «Смерть Автора страшнее суицида, / халтура смертоноснее холер» в некотором смысле предназначено для организации процесса саморефлексии неопределенного круга авторов. Представляется, что в анализируемом тексте категория «смерть автора» рассматривается в связи с авторской несостоятельностью, потерей поэтического дара в ситуации «поэзии, идущей на убыль».

Осознание «смерти автора» в контексте смерти искусства имеет место и в более позднем произведении, датированном 2002 годом и носящем название «Стихотворение Всеволоду Николаевичу Некрасову (подражание Всеволоду Николаевичу Некрасову с посвящением Всеволоду Николаевичу Некрасову)». В нем В. Строчков использует популярный афоризм «Vita brevis, ars longa» («Жизнь коротка, искусство вечно»), развертывая его тем или иным образом, в результате чего оказывается выраженный ряд смыслов, а именно: утверждение ценностной установки вечности искусства, нивелирующей проблему смерти вообще и проблему смерти автора в частности, утверждение значимости категории «автор текста». В стихотворении, по сути дела, вербализована полемика лирического субъекта с ключевыми тезисами эссе Ролана Барта: «а в том конце / где смерть арса / в том конце / света нет / в том конце / там тупик / верно / там такой / специальный тупик / верно специально / для автора / смерти автора / отдельно взятого / автора / и отдельных его соавторов» [2, с. 370]. Важность категории автора в стихотворении «Стихотворение Всеволоду Николаевичу Некрасову (подражание Всеволо-

ду Николаевичу Некрасову с посвящением Всеволоду Николаевичу Некрасову)» реализуется через утверждение неповторимости авторского стиля, индивидуальной манеры письма: «и пока / есть арс Некрасова / бэларт / и артогонь / и артогонь Некрасова / ураганен» [2, с. 371].

В стихотворении «Скрипит на жердочке творец...» (2005) возникает образ автора-творца, вступающего в неравный бой со смертью: «И в довершение всех бед, / отринув все, чем дорожим, / и все, на чем стоим, / он вечно лезет на рожон, / он одержанием побед / над смертью одержим, / и поражением своим / он нынче поражен» [3, с. 27]. Ситуация реальной, физической смерти оказывается расширенной до ситуации смерти Автора в контексте бартовского эссе в результате создания образа автора (творца) – невидимки, ускользающего от наблюдения и узнавания: «Никем нигде не отражен, / но и ничем сражен, / он в зеркале не отразим, / и тени нет за ним» [3, с. 27]. Однако финал стихотворения отсылает нас уже к триумфу творца, перешагнувшего через смерть прямо в вечность: «Но он и смерти не мертвец, / и это не конец: / он бесконечности гонец, / он вечности живец» [3, с. 27]. Таким образом, в анализируемом тексте значимость категории автора вновь оказывается реализованной.

В стихотворении «Постмодернниана (стансы-шмансы)» (2008) ситуация физической смерти ряда авторов вновь оказывается расширенной до ситуации смерти автора в известном эссе: «Шел трамвай десятый номер мимо кабака, / в том трамвае кто-то помер, дуба дал слегка: / Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Блок и Мандельштам, / Слуцкий, Бродский, Заболоцкий – все усопли там. / Автор помер, вот так номер! Кличут докторов: / Ай, и ладно, умершумер, лишь бы был здоров!» [3, с. 28]. Осмысление категории «смерть автора» спроецировано здесь на ее восприятие обыденным сознанием, весьма иронично относящимся к различного рода философским спекуляциям и теоретическим построениям, воплощенным в искусственной фигуре, сшитой, подобно Франкштейну, из культовых личностей гуманитарной мысли XX века: «Деррида Фукович Бартер пробует перо» [3, с. 29]. Отметим, что образцом для этой ономастической конструкции послужил, по всей видимости, придуманный известным публицистом Иваном Солоневичем «Бердяй Булгакович Струве-Миллюков» [4, с. 428], составленный, как нетрудно догадаться, из Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Глеба Струве и Павла Миллюкова. В то же время можно предположить, что полемический пафос анализируемого стихотворения в большей степени возник-

кает не в связи с трудами и идеями Ж. Деррида, Р. Барта и М. Фуко, а в связи с традицией преподавания литературы, состоящей в поиске ответа на пресловутый вопрос «Что хотел сказать автор?», отталкивающейся и ставящей во главу угла биографию автора, его политические взгляды, психологические особенности, этническую принадлежность и т. п. Скорее всего, именно существование такого методологического перекоса осмысливается в стихотворении «Постмодерниана (стансы-шмансы)» как причина произошедшего убийства Автора текста в эпоху хаоса и постмодерна.

В книге «Буколики плюс» (2010) в стихотворении «Выдохи воздуха влетают, как из парной...» (2010) смерть автора проявляется в неожиданно новом тематическом плане – в тесноте, плотности стихового ряда, основанного на неповторимой способности ограниченного числа языковых знаков продуцировать большое количество смыслов. В финале этого лирического героя (поэта) находят мертвым, но умершим своей смертью в пространстве поэтического высказывания, сжатого по форме и максимально расширенного по своему содержанию: «Как дайвер, дыши словами, / сжатыми под давлением в двести бар, / сплюснутыми, как перфект в плюскваме, / в нитрокс рифмовых пар. / Целый месяц прожить на такой глубине, / не покончив с собой, не свихнувшись, не / задохнувшись, как тот слон в удаве, / а лежать, озираясь, на самом дне - / это тот ещё дьявольский технодайвинг, / и словесное опьяне...» / Автор этой записки был найден мёртвым в избе / под грудой стихов» [5, с. 6].

Из анализа стихотворений В. Строчкова, отмеченных обращением к категории «смерть автора» на тематическом уровне, следует, что автор художественных текстов умирает только в двух случаях: во-первых, если он исписался, а во-вторых, если он не выдержал давления насыщенных смыслами собственных поэтических текстов. Во всех остальных случаях автор решительно вступает в отважную схватку со смертью и, если и умирает, то переносится прямо в вечность. Утверждение авторства как ценностно значимой категории происходит в границах полисемантического текста В. Строчкова, изначально настроенного на множество прочтений и интерпретаций с учетом специфичности черт воспринимающего сознания.

Поэтическое высказывание В. Строчкова представляет собой сгусток смысла, реализующийся в результате использования приемов поэтической этимологизации, паронимической аттракции, введения в текст таких фигур интертекста, как цитирование, аппликация, парафраз,

аллюзия, а также в результате переосмысления различных дискурсивных практик: речи собственно литературной, сакральной, иноязычной, арготической, низовой, языка программирования, массовой и народной культуры, идеологического языка советской эпохи, формул речевого этикета и т. п. Это в полной мере соответствует идее трансляции текстом инородных смыслов, выраженной в эссе Р. Барта «Смерть автора»: «Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [6, с. 388]. Организация поэтического высказывания В. Строчкова демонстрирует, с одной стороны, реализацию принципов цитирования, корреспондирующего с бесчисленными центрами культуры, а с другой – экспликацию противоречивости природы языка, заключающейся в заложенной в него нестабильности значений и метафоричности.

Если же мы отвлечемся от собственно поэтических текстов В. Строчкова, примечательными, как мы полагаем, будут следующие обстоятельства.

В послесловии к своей первой книге стихов «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов» В. Строчков, обращаясь к читателям, говорит о его важности, советует тем не менее начать чтение книги не с послесловия, а именно с поэтических текстов, которые становятся как бы метафорой жизненного пути творца: «этот путь ты пройдешь не один, а об руку с автором, тем самым подарив ему счастливый случай пройти заново. Сам, без твоей помощи, он уже не может этого сделать. Он уже прошёл. Его глаза уже видели, запомнили и оттого как бы ослепли. [...] Так что автор может пройти этот путь вслепую. То есть зря (напрасно). А вот зря (то есть видя) не может – без тебя. Ему нужны твои свежие глаза» [7, с. 373]. Кроме того, интересен факт существования написанной самим В. Строчковым «Небиографии автора», содержащей информацию о движении его стиха, авторском понимании устройства поэтического текста, а также определение понятия, введенного французским филологом и философом, как выхода автора за некие «граничные условия», влекущего за собой «необратимые потери: на одном конце – смысла, на другом – уникальности высказывания» [8].

Итак, при обращении к внетекстовым реалиям – послесловию В. Строчкова к первой книге

его стихов «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов» и написанной им самим «Небиографии автора» – мы видим, что интересующее нас понятие отождествляется поэтом с уходом автора либо в сферу банального, либо заумного, утверждением значимости позиции читателя, а также сомнением в целесообразности привлечения фактов биографии автора для интерпретации художественного текста.

Это вполне коррелирует с эссе Р. Барта «Смерть автора», несущим в себе пафос освобождения читателя из-под гнёта автора, постулирующим необходимость наделения читателя статусом участника речевого акта (адресата поэтического высказывания) и содержащим критику прочтения художественного текста с учетом намерений и биографии автора: «В средостении того образа литературы, что бытует в нашей культуре, безраздельно царит автор, его личность, история его жизни, его вкусы и страсти; для критики обычно и по сей день все творчество Бодлера – в его житейской несостоятельности, все творчество Ван Гога – в его душевной болезни, все творчество Чайковского – в его пороке» [5, с. 385].

Таким образом, в результате рассмотрения форм бытования категории «смерть автора» в поэтических и метапоэтических текстах В. Строчкова можно сделать вывод, что, несмотря на заявленную поэтом полемичность по отношению к положениям знаменитого эссе Р. Барта, они обнаруживают несомненную близость. Позиции

поэта и философа позволяют сблизить осуществляемая ими критика традиции интерпретации художественного текста с учетом намерений и биографии автора, приписывания данной интерпретации господствующего положения среди возможных других, а также утверждение значимости [фактора] воспринимающего субъекта (адресата) в контексте полисемантического высказывания.

Список литературы

1. Время и Деньги № 77–78 (2532–2533). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-18080.htm> (дата обращения 13.11.2014).
2. Строчков В. Наречия и обстоятельства. 1993–2004. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 496 с.
3. Строчков В. Пушкин пашет. Таганрог: НЮ-АНС, 2010. 32 с.
4. Солоневич И. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
5. Строчков В. Буколики плюс. Таганрог: НЮ-АНС, 2010. 32 с.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
7. Строчков В. Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981–1992 годов. М.: Диас, 1994. 416 с.
8. Строчков В. Небиография автора. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/STROCHKOV/about.htm> (дата обращения 13.11.2014).

THE CONCEPT OF THE AUTHOR'S DEATH IN THE WORKS OF VLADIMIR STROCHKOV

O.O. Petelina

The paper examines the occurrence of the category of the author's death in the poetry of the contemporary author Vladimir Strochkov on the material of his four books of poems: «Verbs of Imperfect Times. Selected Poems of 1981–1992», «Adverbs and Circumstances. 1993–2004», «Bucolics plus», «Pushkin plows» and also on the afterword by V. Strochkov to the first book of his poems «Verbs of Imperfect Times. Selected Poems of 1981–1992» and «The Author's Nonbiography» written by himself. The aim of the analysis is to identify the relationship between the two positions: the poetic, unprofessional one (by V. Strochkov) and the philological, philosophical and professional (by R. Bart) in the context of interpretation of the concept «the author's death».

Keywords: poetic text, V. Strochkov, the author's death, notion, concept, category, essay, R. Bart.

References

1. Vremya i Den'gi № 77–78 (2532–2533). [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-18080.htm> (data obrashcheniya 13.11.2014).
2. Strochkov V. Narechiya i obstoyatel'stva. 1993–2004. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 496 s.
3. Strochkov V. Pushkin pashet. Taganrog: NYU-ANS, 2010. 32 s.
4. Solonevich I. Narodnaya monarhiya. M.: Institut russkoj civilizacii, 2010. 624 s.
5. Strochkov V. Bukoliki plyus. Taganrog: NYU-ANS, 2010. 32 s.
6. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika: Per. s fr. / Sost., obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 616 s.
7. Strochkov V. Glagoly nesovershennogo vremeni. Izbrannye stihotvoreniya 1981–1992 godov. M.: Dias, 1994. 416 s.
8. Strochkov V. Nebiografiya avtora. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/STROCHKOV/about.htm> (data obrashcheniya 13.11.2014).